
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 398

DOI 10.25587/SVFU.2022.17.25.007

С. В. Абысова

Сюжеты генеалогических преданий алтайцев

Научно-исследовательский институт алтаистики им С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск, Россия
E-mail: surlai@mail.ru

Аннотация. В устной прозе алтайского народа особое место занимают генеалогические предания. Они всегда вызывали живой интерес, который сохраняется до настоящего времени. Число научных исследований по этой теме относительно невелико, и потому генеалогические предания алтайцев до сих пор остаются малоизученной областью фольклористики. Актуальность исследования заключается в недостаточной изученности названных преданий. Целью данной работы является изучение сюжетного состава генеалогических преданий. В задачи исследования входят сравнение текстов преданий, определение сюжетов, выявление художественных особенностей. В работе применяются сравнительно-исторический и сравнительно-описательный методы исследования, позволяющие сосредоточить внимание на повторяемости сюжетов, рассмотреть варьирование сюжетов в историческом развитии, показать особенности отражения в данных преданиях исторической действительности. Научная новизна исследования заключается в теоретическом осмыслении и описании сюжетного состава генеалогических преданий алтайцев. Результаты исследования будут полезны при дальнейшем изучении жанра преданий в алтайском фольклоре, а также при составлении указателей сюжетов алтайских преданий и собирании фольклорных текстов. В статье даются характеристики ранних этногенетических, родовых и семейных преданий. На основе сравнения фольклорных материалов устанавливаются повторяющиеся и известные сюжеты, наряду с которыми отмечаются также единичные редко встречающиеся сюжеты. В сюжетах алтайских преданий используются мотивы, встречающиеся в мифах и легендах. Предания отражают древние мифологические представления и верования людей в родство с тотемными животными и птицами, содержат свидетельства о реальных событиях в жизни народа, объясняют появление определенных этнонимов, фамилий. Делается вывод о том, что генеалогические предания алтайцев являются результатом художественного осмысления народом своей генетической истории.

Ключевые слова: генеалогические предания алтайцев, история, генеалогия, термин, сюжеты алтайских преданий, мифологизация, этноним, род, семья, родословная.

Для цитирования: Абысова, С. В. Сюжеты генеалогических преданий алтайцев / С. В. Абысова // Вестник СВФУ. 2022, №4(90). С. 56–66. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.17.25.007>

S. V. Abysova

Plots of the genealogical legends of Altaians

Research Institute of Altaistics named after S. Surazakov, Gorno-Altaiisk, Russia

E-mail: surlai@mail.ru

Abstract. Genealogical legends occupy a special place in the oral prose of the Altai people. They have always aroused a keen interest, which is still alive today. The number of scientific studies on this topic is relatively small, and therefore the genealogical legends of the Altaians still remain a poorly studied field of folkloristics. The relevance of the research lies in the insufficient study of these legends. The purpose of this research is to study the plot of genealogical legends. The tasks of the study include – comparison of texts of legends; definition of plots; revealing of artistic features. Comparative-historical and comparative-descriptive research methods are used in the work, allowing to focus on the repeatability of plots, to consider the variation of plots in historical development, to show the features of reflection of historical reality in these legends. The scientific novelty of the research lies in the theoretical understanding and description of the plot composition of the genealogical legends of the Altaians. The results of the research will be useful in further studying the genre of legends in Altai folklore, as well as in compiling indexes of the plots of Altai legends and collecting folklore texts. The article describes the characteristics of early ethnogenetic, patrimonial and family legends. Based on a comparison of folklore materials, recurring and well-known plots are established, along with which isolated rarely occurring plots are also noted. It is shown that the motifs found in myths and legends are used in the plots of Altai legends. Legends reflect ancient mythological ideas and beliefs of people in kinship with totemic animals and birds, contain evidence of real events in the life of the people, explain the appearance of certain ethnonyms, surnames. It is concluded that the genealogical legends of the Altaians are the result of the artistic understanding of the people of their genetic history.

Keywords: genealogical legends of Altaians, history, genealogy, term (word), plot of Altai legends, mythologization, ethnonym, genus, family, ancestry.

For citation: Abysova, S. V. Plots of the genealogical legends of Altaians / S. V. Abysova // Vestnik of NEFU. 2022, No. 4(90). Pp. 56–66. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.17.25.007>

Введение

У каждого народа есть уникальные предания, сохранившие в себе сведения о давно прошедших исторических событиях. Они привлекаются в качестве источников при изучении этнической истории, так как сообщают о переселениях людей, объясняют происхождение родоплеменных групп и внутриродовых подразделений, династий. Такие предания тесно связаны с генеалогией, изучающей историю отдельных родов, фамилий, устанавливают их происхождение и родственные отношения.

В алтайском обществе, как у всех народов, знание своих корней (*ук-тӧс*) во все времена имело особое значение и не перестает быть актуальным сегодня. Предания, сохранившие эти знания, долгое время передавались в устной форме от поколения к поколению. Письменная фиксация этих преданий у алтайцев началась в XIX веке, осуществлялась в течение XX века и продолжает записываться сегодня. Значительная часть их опубликована в сборниках, научных изданиях, периодической печати. Вместе с тем генеалогические предания алтайцев относятся к малоизученным темам

алтайской фольклористики. Поэтому целью данного исследования стало изучение сюжетного состава генеалогических преданий алтайцев. Для этого были поставлены следующие задачи: сравнение текстов генеалогических преданий; определение наиболее известных и малоизвестных сюжетов; выявление художественных особенностей сюжетов. Методологической основой исследования стали фольклористические труды по исторической прозе В. К. Соколовой (1970), Н. А. Криничной (1987). Важными для данного исследования стали положения, выдвинутые в работах В. В. Блажес (1978), Ю. В. Лиморенко (2013), Л. Е. Ильиной (2016), а также труды С. С. Суразакова (1960, 1975), исследования по сказочной прозе алтайцев Е. Е. Ямаевой и Н. Р. Ойроткиной (2012), К. В. Ядановой (2013). Источниковой базой исследования послужили сборники фольклорных текстов, монографии и научные работы, включающие тексты преданий, периодические издания, а также полевые записи автора.

В научной литературе генеалогические предания рассматриваются как жанровая разновидность преданий. Отмечается хронологический порядок появления преданий, который позволяет выделить в них ранние или поздние виды. По мнению В. К. Соколовой, «у русских, как и у большинства народов, среди ранних преданий значительное место занимали предания этногенетические, о родоначальниках; позднее – этнонимические, топонимические и генеалогические» [1, с. 9–10]. Обозначенные исследователем ранние предания отражают народное истолкование процесса этногенеза, этнонимические предания служат способом истолкования этнонимов, генеалогические повествуют об основателях княжеских династий и первых князьях. Кроме обозначенных терминов, в фольклористике применяется термин *родовые предания*, под которым подразумевают «предания о герое-пращуре и первых поселенцах» [1, с. 44], «устные истории семьи, династии» [2, с. 38], «предание с древнейшими общественными отношениями» [3, с. 32]. Произведения, рассматриваемые в качестве *семейных преданий*, исследователи определяют как «рассказы о членах одной семьи и событиях, произошедших в недавнем или далеком прошлом» [4, с. 203].

В алтайском фольклоре для обозначения большинства жанров сказочной прозы используется народный термин *кеп куучын*, который буквально означает «старинные рассказы» [5, с. 19]. Так, данный термин объединяет легенды, мифологические рассказы, а также предания. Следовательно, генеалогические предания входят в число старинных рассказов *кеп куучындар*. Большое значение при определении жанровой разновидности этих произведений имеет их тематика. Во время повествования рассказчики нередко указывают тему рассказа. Например, в начале предания о *майманах* рассказчик конкретизирует: *Кара-майман ла көгөл-майман канайда эки башка майман бол калганы мындый деген* – Разделение на кара-майман и көгөл-майман, говорят, так было [6, с. 174]. Формулирование темы нередко приводится как название текстов, например, «Кыпчактар керегинде» («О кыпчаках»), «Моол сёк керегинде» («О роде моол»). Таким образом определяется тематика преданий и их содержание.

Сюжеты ранних этногенетических преданий

По художественному содержанию среди алтайских преданий можно выделить следующие: ранние этногенетические предания, повествующие о происхождении алтайских родов – *сёков*; родовые предания о событиях в жизни того или иного рода; семейные предания о жизни одной семьи или династии. При этом следует отметить, что провести четкую границу между этими подвидами довольно сложно, так как в них нередко сочетаются элементы разных эпох, что по сути является особенностью фольклорной традиции.

К ранним этногенетическим преданиям относятся тексты, которые С. С. Суразаков называл рассказами, повествующими о происхождении народов и родоплеменных групп [7]. В таких текстах совмещены признаки мифа, легенды и предания. Ключевым

моментом таких повествований является попытка объяснить происхождение людей, а также разделение их на родоплеменные группы. Основным средством передачи этой условно исторической информации является художественный образ. В рассматриваемых текстах обычно это образ «первопредка», в большей степени характерный для мифов и легенд. Так, родоначальником всех народов выступает первопредок, которого сотворил *Кудай*. В предании «Как размножились люди» («*Улустын көптөй ёскөни*») родоначальник имел девять сыновей – Кыпчак, Майман, Тодош, Тонжоон (*Тонжоон*), Комдош, Дьос (*Дүс*), Тогус, Кюзен (*Күзен*), Кердаш. От них распространились люди на земле [6]. В сюжеты ранних этногенетических преданий включаются мотивы, встречающиеся в легендах о сотворении человека. Очевидно, что эти произведения «соединяют в себе явную связь с реальностью и легендарный элемент» [8, с. 20]. Отголоски архаического мировоззрения содержатся в преданиях, из которых следует, что существование человека зависит от благосклонности божеств. Например, обращение к образу верховного божества встречается в предании «*Дьос сёок*» («*Дүс сёёк*»). В нем говорится, что *Кудай* рассердился на людей из рода *дьос* за непочтение к святыням и проклял их. Поэтому один из них сошел с ума, а род *дьос* стал состоять не более чем из ста человек. Если их количество превышает сотню, то один из них умирает. По преданию, они якобы едва доживают до шестидесяти лет, из ста человек лишь один доживает до ста лет [6].

В ранних преданиях с характерными признаками мифов и легенд находят выражение отголоски древних мировоззренческих традиций. Сюжеты, объясняющие происхождение алтайских родов, отражают архаические представления людей. В устном народном творчестве отмечаются устойчивые сюжеты о происхождении человека от тотемных животных или птиц, которые выступали как родоначальники определенного рода. Например, распространенным у алтайцев является сюжет о происхождении рода *кыпчак* от волчицы, как общеизвестный у тюркоязычных народов сюжет о происхождении тюрков от волка: «Волк-прародитель – тюркская универсалия... В мифоритуальной традиции волк предстает предком, старшим родственником, защитником людей» [9, с. 47]. В алтайском предании о *кыпчаках* рассказывается про осиротевшего мальчика, которого вскармливает волчица. В варианте предания этим сюжетом объясняется изображение волка на знамени кыпчаков [10].

Огромное влияние на развитие сюжета ранних преданий о родах оказывало мифологическое мировоззрение. Согласно мнению Н. Р. Ойноткиновой, в преданиях алтайцев мифологизации подвергаются наиболее крупные роды [11]. Так, в преданиях о роде *кыпчак* изображаются мифологические персонажи, которые встречаются в сюжетах о борьбе человека с антагонистами. Противником рода *кыпчак* выступает змей – *дьылан*. Появление групп *сары кыпчак* (букв. ‘желтый кыпчак’) и/или *дьылан кыпчак* (*жылан кыпчак* букв. ‘змей-кыпчак’) объясняется сюжетом о том, как кыпчак высвобождается из утробы змеи. В одном из вариантов говорится, что прежде *кыпчаки* сражались со змеями. В конце борьбы остались один *кыпчак* и один змей. Змей проглотил *кыпчака*, но тот вынул свой топор из пояса, прорубил живот змею и вышел на свободу. Поэтому его называли *сары кыпчак* [6, с. 173]. В другом варианте, повествующем о появлении группы *дьылан кыпчак*, выбраться герою из утробы змеи помогает брат [6, с. 199]. Такие предания мало воспринимались людьми как родовые предания о первопредке. В них явно присутствуют элементы древнего мировоззрения.

Мифологизации подвергаются многие сюжеты о происхождении алтайских родов. Ярким примером служит широко известный сюжет о происхождении рода *алмат* от мифического существа *алмыс*. Согласно преданиям, один мужчина женился на мифическом существе *алмыс*, от которой родились дети *алматы* [10, с. 186–191]. В предании женщина-*алмыс* выступает прародительницей рода *алмат*. Существование вариантов предания свидетельствует о достаточной известности данного сюжета среди

алтайцев [5, с. 482–483]. Вероятно, появление данного сюжета основано на созвучии этнонима с названием мифологического персонажа.

Сюжеты родовых преданий

Родовые предания относятся к более позднему периоду. Они имеют реальную основу, позволяют заглянуть в прошлое народа, узнать об их переселениях, внутриродовом разделении. В них объясняется происхождение различных этнонимов и значение. В преданиях упоминаются исторические персонажи, реальные события, указываются конкретные места. Например, в основу предания о роде *тодош* положена историческая действительность, которая выражается через названия конкретной местности (*Эрчиш-Бажынын айагында* букв. ‘в верховье Иртыша’), где происходило повествуемое событие, а также именем действительного человека (*тодош сёокту Падлай* букв. ‘Падлай из рода *тодош*’) [6, с. 184–185]. Предание сохранило в народной памяти историческое переселение людей с верховий реки Иртыш на Алтай. Об этом же свидетельствует другое предание, в котором говорится, что люди, прибывшие с Иртыша, остановились у горы Бабырган. Через некоторое время часть из них направилась охотиться в черневую тайгу Кара-Дыш (*Кара-Дыш*) и осталась жить там. От них разросся род *туба-тодош*. Второй *тодош* направился в бассейн реки Урсул, и от него распространился род *кара тодош* [6, с. 187–188].

Схожий сюжет встречается в предании о родах *кюзен* (*күзен*) и *чалганду*. По преданию, два брата, проживающие в устье реки Лебедь (*Куу*), расходятся в разные стороны. Брат Кюзенек (*Күзенек*) поднимается вверх по реке Бия (*Ёён*), чтобы ловить рыбу и кормить своих детей. Его потомки получили название *кюзен*. Чалганак, имевший маленьких детей, сказал, что пойдет вверх по реке Лебедь. Люди, распространившиеся от него, называются родом *чалганну* [7, с. 228]. В другом варианте, где наблюдается контаминация сюжетов, в начале рассказывается о большом потопе. Сюжет о всемирном потопе, известный из мифологической прозы, в предании служит в качестве развязки основного действия. После спасения от потопа братья выбирают места для проживания. Кюзенек поднимается вверх по реке Бия, Шалганак возвращается в родные места, поднимаясь вверх по реке *Куз* (Лебедь) [12, с. 183–184].

В алтайских преданиях находят отражение события, послужившие внутриродовому разделению. Сюжеты, объясняющие разделение на роды *сёоки* и внутриродовые группы, основаны на мотиве деления. В них герои разделяют между собой скот, пищу, работу. Возникновение таких сюжетов продиктовано разделением большинства алтайских родов на подгруппы. Также некоторые алтайские *сёоки* считаются близкородственными и называются *карындаш* – букв. ‘братья’.

Сюжет о разделении имущества либо трудовых обязанностей, либо пищи (мяса) между братьями объясняет название многих этнонимов. Так, в предании о родах *тёёлёс* (*тёёлёс*), *мундус*, *кочкор мундус* говорится о том, как родители поровну делили скот в наследство трем сыновьям. Когда из верблюдов остается один верблюд (*тёёлёс*), его забирает младший брат, сказав, что он пас их. Отец прозывает его *тёёлёсом*. Оставшегося при разделении одного барана забирает другой сын, отодрав ему рога, за что отец называет его Кочкор-Мундус. Третьему сыну он дает имя Мундус, подчеркивая его происхождение [6, с. 178]. По преданию, двое из братьев произошли от зернышек, извлеченных из градинок – мус, которые съела их мать во время скитаний по опустошенной земле после войн.

В упомянутом выше предании о роде *майман* объясняется появление двух ветвей – *кёгёл майман* (*кёгёл майман*) и *кара майман*. Сюжет повествования основан на случайности события. По преданию, двое братьев занимались кузнечным делом, и каждый из них выполнял свои трудовые функции. Когда зашедший с улицы человек спросил их о том, к какому роду они принадлежат, то разжигавший уголь брат назвался *кёгёл майман* (*кёгёл майман*), а работавший молотком – *кара майман* [6, с. 174].

Мотив деления ярко выражен в алтайских преданиях о роде *кыпчак*, который имеет наибольшее количество делений на подгруппы – *ак кыпчак*, *дьалчы кыпчак*, *дьайат кыпчак*, *сары кыпчак*, *котон кыпчак*, *казах кыпчак*, *тумат кыпчак*, *сурас кыпчак* и др. Появление каждого этнонима находит свое объяснение в данных преданиях. Наиболее распространенным является сюжет о разделении мяса лошади сыновьям *кыпчака*. Кому достался нос, тот назвался *тумат кыпчак*, кому досталась грива, тот – *дьайат (жайат)*, кому хвост достался, тот *котон* стал [6, 10]. В зачине предания, записанном К. В. Ядановой, сообщается, что род *кыпчак* делится на семь групп. Предание повествует о том, что один *кыпчак* имел семерых сыновей, которым разделил тушу коня. Кому достался нос, тот назвался *тумат кыпчак*, кому досталась грива, тот – *дьайат (жайат)*, кому хвост достался, тот *котон* стал [10, с. 206]. В одном из вариантов объясняется появление групп *кёдён (кёдён) кыпчак*, *котон кыпчак*, *дьалчы (жалчы) кыпчак*, *казах кыпчак*, *сурас кыпчак*. Сюжет о разделении мяса в нем упоминается дважды – при объяснении групп *кёдён кыпчак* и *дьалчы кыпчак*. Группа *котон кыпчак* по данному тексту прозвана так потому, что один из братьев был слишком разборчив, чванлив и высокомерен [6, с. 198]. Из этого следует, что рассказчики дают разные толкования названиям внутриродовых групп. Можно полагать, что верным объяснением является толкование, связанное с нравами людей, так как слово *котон* обозначает ‘свирепый, жестокий характер’ [13, с. 362].

Несколько иначе объясняется появление внутриродовой подгруппы *сурас кыпчак*. Они изображаются как представители чужого рода [6, 5, 10]. Этноним *сурас кыпчак* буквально означает ‘внебрачный кыпчак’ и по преданиям присвоен незаконнорожденному ребенку, который в младенчестве был выкраден человеком из рода *кыпчак*. Его потомки стали называться *сурас кыпчак*, при этом их настоящее происхождение остается неизвестным.

По-разному объясняется появление у *кыпчаков* подгруппы, называемой *тумат кыпчак*. По одной версии, так называли парня, который при разделении туши лошади взял носовую часть – *тумчук*. В другой версии объясняется, что человек из рода *кыпчак* в обмен на соль взял ребенка из племени *туба* северных алтайцев. К. В. Яданова полагает, что «рассказчица, пытаясь объяснить возникновение *тумат кыпчаков*, использует созвучные слова к лексеме *тумат* – *тус*, *туба*» [10, с. 110]. Наряду с этими объяснениями существуют более реалистичные версии о появлении *тумат кыпчаков* в родовой группе. О возможных причинах появления ребенка инородного происхождения информант рассказывает следующее: «Это то ли в лесу найденный ребенок, то ли брошенный, то ли выживший в войнах и сражениях. Откуда-то найденный и возвращенный, *тумат* названный *кыпчак* есть» [14]. Упоминание о *туматах* находим в работе по хакасскому историческому фольклору, где исследователи пишут: «Туматы относятся к одному из древнейших племен Саяно-Алтая. Согласно письменным источникам, в XIII в. они жили в пределах страны киргизов и были чрезвычайно воинственными людьми. В 1218 г. туматы восстали против монгольского владычества. Когда монголы потребовали от киргизов войска для подавления мятежа в их стране, то последние под предводительством Курлуна также восстали. Осенью 1218 г. летучие отряды Джучи (старшего сына Чингисхана) расправились с непокорными племенами. «Так как туматы были злокозненным и недоброжелательным племенем, – сообщала летопись, – то [монголы] множество из них перебили». Вполне возможно, что хакасский исторический фольклор сохранил память о гибели туматов от монгольской резни 1218 г.» [15, с. 23]. Также упоминается в хакасском фольклоре предание о племени *туматов*: «Согласно историческим преданиям, когда-то в Июсских степях проживало многочисленное и богатое племя туматов. Летом они располагались на берегу оз. Айран-коль, а на зимовку перекочевывали в долину р. Тарча. Небольшая степь, расположенная от оз. Айран-коль до р. Тарча, до сих пор носит название «Тумат чазы» – т. е. Туматская степь.

Охотничьи угодья туматов находились в горах, в верховьях Белого Июса, где один из притоков сохранил свое древнее имя «Туматтар сазы» – Туматское болото....» [15, с. 21–22]. Учитывая соседство территории размещения хакасского народа, можно предположить, что *туматы* появились среди алтайских *кыпчаков* в последствии обозначенных исторических событий.

Сюжеты о причислении к своему роду детей из чужого племени или народа развиваются во многих преданиях алтайцев. В каждом из них объясняется появление этнонимов, которые обозначают названных братьев. Этнонимом *кыдат тодош*, по преданию, назван китайский мальчик, родившийся и выросший среди *тодошей*. От этого мальчика пошло ответвление *кыдат тодош* [6, с. 184–185]. В другом предании люди из рода *майман* после окончания войны с китайцами нашли мальчика с беркутом. Они взяли его с собой, вырастили его, женили, и так как у него не было рода, его причислили к своему роду, указав, что он *дыабыр майман* (*ябыр майман* букв. названный *майман*) [6, с. 190]. Схожий сюжет используется в предании о роде *моол*, но здесь повествуется о двух детях. Так же как в предыдущем сюжете после военных сражений один человек из рода *кёбёк* (*кёбёк*) Абы-Дьярынак (*Абы-Дьярынак*) находит двух заблудившихся монгольских (*калка*) мальчиков. Один из них был светлым, другой – темным, поэтому их прозывают *кара моол* и *сары моол*, указывая на их различия [5, с. 266–268]. В другом варианте предания данный сюжет дополняется эпизодом об укрытии монгольских детей от родителей. Абы-Дьярынак, узнав, что родители желают вернуть своих детей, говорит, что они умерли, и показывает им лопатки собаки. После того как родители детей уезжают, Абы-Дьярынак отправляет их от себя, назвав их *кара моол* и *сары моол* [10, с. 205–206].

Одним из распространенных сюжетов в алтайском фольклоре является сюжет о том, как мать оставляет грудного ребенка в лесу под деревом. В предании о роде *модор* говорится о том, как во времена большой смуты мать малыша, чтобы сохранить ему жизнь, оставляет его в лесу. Она натягивает ветку жимолости *ыргай* и укладывает сына таким образом, чтобы древесный сок капал ему в рот. Мальчика находит единственный оставшийся человек из рода *модор*. От приемного мальчика распространяется род *модор*. Люди этого рода почитают дерево *ыргай* [6, с. 200]. Сюжет данного предания дополняет эпизод о спасении монгольского мальчика, плывущего по реке на бревне. Того мальчика нарекают братом. Предание гласит, что *модор* и *монгол* теперь стали родственными родами – *карындаш сёок*.

Данный сюжет варьируется в предании о роде *очы* [6, с. 199]. По преданию, во время войн одна женщина сбежала, уложив своего ребенка в колыбель и наклонив ветку березы, чтобы сок его попадал в уста ребенку. Малыша находят и называют его *кайын очы* (*кайын очы*). Этноним образуется от слова *кайын* – букв. ‘береза’, то есть представитель рода *очы*, найденный возле березы.

В сюжетах, основанных на истории вскармливания чужого ребенка, всегда присутствует человек, взявший на воспитание ребенка из другого рода или народа. В большинстве сюжетов приемным ребенком оказывается мальчик. Когда он вырастает, его женят, причисляют к своему роду и нарекают братом – *карындаш*. К названию его рода прибавляется слово, указывающее на происхождение.

Как видно из приведенных примеров, в более поздних родовых преданиях героями выступают исторические персонажи или этнос. В них изображаются события, при которых появился так называемый *карындаш* ‘брат’, от которого размножилась та или иная внутриродовая группа. Время их появления, как правило, в генеалогических преданиях алтайцев указывается приблизительно. Не столь важно для фольклорного сознания также происхождение приемного сына, потому что носитель традиции основное значение придает этической и эстетической стороне повествуемого, изображая события через собственное художественное видение. Поэтому в таких повествованиях важны не констатация реальных фактов, а их фольклорное переосмысление.

Сюжеты семейных преданий

Отдельную группу в несказочной прозе алтайцев составляют предания, повествующие о конкретных династиях или семьях, их предках, событиях, связанных с этими людьми. С. С. Суразаков определяет эти произведения как рассказы, представляющие семейную родословную, и приводит предание, в котором говорится о родословной *тонжоонов*, проживающих в Кош-Агачском районе. По рассказу К. Сонукова, его предком, являющимся родоначальником этой ветви, выступает человек по имени Эрйаа. Предание рассказывает историю о том, как он жил у слияния рек Кадын (Катунь) и Бий (Бия), потом бежал от ойратов, чтобы не платить дань, и остался жить в Кош-Агаче, а от его единственного сына по имени Шара родились девять сыновей. По сведениям информанта, весь народ из рода *тонжоон*, проживающий в той местности, является потомком Эрйаа [7, с. 227–229].

Изучение генеалогии алтайских родов показывает, что семейные предания тесно связаны с этнической традицией, требующей обязательного знания своей родословной *öbökö*. Эта особенность в бытовании таких преданий хорошо прослеживается в этнографических работах Л. П. Потапова [16], Н. В. Екеева [17], сборниках [18, 20]. В них наряду с изучением родов и родословных алтайского народа представлены предания, повествующие об истории отдельных династий и семей.

Сюжеты семейных преданий основаны на событиях из частной жизни представителей династии. Так, по преданию, династия Матиных произошла от человека по имени Мата: *Бис Матанын экинчи үйези. ... Ол Чарас бажына балыктап келеле, төдөлс сөккү Кыстый деп кижинин кызын алган. Онон Кан-Оозында журтаган* [19] – Мы [являемся] вторым поколением от Маты... Прибыв на рыбалку к верховью Чарыша, он женился на дочери Кыстый из *сёока тейлэс*. Затем жил в Усть-Кане.

Семейные предания содержат многие детали в изображении событий. В них называются конкретные имена, время, местность. Например, в одном из повествований говорится о сватовстве невесты из местности Артыбаш человека по имени Санаа-Кюндю (Санаа-Күндү) из рода *саал*. В последующем от его имени образовалась фамилия Санин [20, с. 226]. Другой сюжет, повествующий о династии Саниных, представляет историю переселения нескольких родов. В повествовании имеются топонимы, показывающие географию их переселений – слияние рек Бии и Катунь, реки Обь, Саалка, Кюмюш, территории Сойон-Тывы (Саянские горы в пределах Тывы), Алтая, Чолушмана. В числе людей, перекочевавших на Алтай, называется предок Кёнёт (Көнөт). Один из его потомков по имени Санаа-Кюндю (Санаа-Күндү) по преданию родился в 1847 г. [20, с. 226–227]. Так, два отличающихся сюжета, записанные от разных людей, дополняют сведения о родословной Саниных и объясняют происхождение фамилии.

Следует отметить, что в алтайском обществе было принято определять людей по принадлежности к роду или родовой ветви. Поэтому в алтайских генеалогических преданиях не встречаются фамилии. Обозначение династий фамилиями началось относительно поздно, точнее, после присоединения к составу Российской Империи. В основу современных алтайских фамилий в большинстве случаев взяты имена глав родов. Например, информант А. К. Мышлакова рассказала два сюжета о зайсане по имени Мышлак [21]. Его потомки получили фамилию Мышлаковых. Такие семейные предания объясняют этимологию современных фамилий, рассказывают истории из жизни семьи и его членов.

Изучение генеалогических преданий алтайцев тесно связано с этнической историей. Как известно, у тюркских народов принадлежность к определенному роду, знание своей родословной всегда имело большое значение. Алтайцы считают необходимым знать не менее семи поколений, но многие знают и больше. Как отмечал С. С. Суразаков, каждый человек стремился узнать о своем происхождении, кто являлся родоначальником, где жили его предки. Человек, не знающий свою родословную, считался безродным

и не вызывал уважения [7, с. 227]. Необходимость передаваемых знаний особенно важна при заключении браков, в которых, как и у многих тюркских народов, соблюдается экзогамия, воспрещающая кровосмешение между родственниками. Кроме того, знание генеалогических линий и родственных отношений способствует сохранению истории как одной семьи, так и целого рода.

Заключение

Генеалогические предания занимают определенное место в устном творчестве алтайцев. Эти предания содержат ценные сведения о традиционном мировосприятии народа, способах объяснения происхождения алтайских родов и их разделения на родовые ветви, образования конкретных династий и семей.

Обращение к сюжетам генеалогических преданий позволило выделить ранние этногенетические предания, имеющие много общего с мифами и легендами, родовые предания и семейные предания. В целом генеалогические предания сохранили в себе устные знания народа. Свидетельством раннего происхождения этногенетических преданий алтайцев является присутствие в них элементов архаичного мировоззрения. Сюжеты преданий, сложившиеся позднее, отражают реальные события, вовлекая их в художественную форму. В их основу положены истории из жизни народа, отдельного рода или семьи, объяснение обычаев и верований, их нравов. В таких преданиях выражено стремление народа к познанию действительных основателей алтайских родов, желание сохранить память о родословных, их этнокультурных контактах, о людях. Так, в сюжетах родовых преданий отражены исторические переселения кочевых народов, причинами чего нередко являются набеги вражеских племен или междоусобные войны. Сюжеты семейных преданий созданы на частных фактах и повествуют о конкретном человеке. Обычно в таких текстах сюжет имеет сжатый вид и выражен одним или несколькими предложениями. От семейных преданий отличаются семейные родословные, которые лишены сюжета и представляют собой обычное перечисление поколений. Они могут быть представлены в виде родового древа.

Художественное осмысление исторических событий прошлого, отразившихся в сюжетах алтайских генеалогических преданий, свойственно в целом жанру преданий. Поэтому излагаемые в генеалогических преданиях события нередко могут сильно отличаться от действительности. Однако достоверность повествуемого в них подтверждается указаниями на исторические факты, имена людей, названия местностей.

Л и т е р а т у р а

1. Соколова, В. К. Русские исторические предания / В. К. Соколова. – Москва : Наука, 1970. – 288 с.
2. Блажес, В. В. Предания о рабочих династиях / В. В. Блажес // Фольклор Урала. – Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1978. – Вып. 4 : Народная проза. – С. 37–52.
3. Криничная, Н. А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры / Н. А. Криничная. – Ленинград, 1987. – 227 с.
4. Ильина, Л. Е. Семейные предания как отражение образа эпохи / Л. Е. Ильина // Филология и культура. – 2016. – № 4 (46). – С. 199–206.
5. Несказочная проза алтайцев / Составители Н. Р. Ойроткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. – Новосибирск : Наука, 2011. – 576 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).
6. Алтай сооҕындар ла кеп-куучындар : Алтай албатынын оос жайааны / сост. Е. Е. Ямаева, И. Б. Шинжин. – Горно-Алтайск : Издательство «Ак Чечек», 1994. – 416 с.
7. Суразаков, С. С. Алтай фольклор. [2-е изд., доп.] / БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». – Горно-Алтайск : Горно-Алт. тип., 2015. – 320 с.
8. Лиморенко, Ю. В. Особенности жанровой классификации несказочной прозы в фольклоре народов Сибири / Ю. В. Лиморенко // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 14–21.

9. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – 243 с.
10. Яданова, К. В. Предания, легенды, былички теленгитов долины Эре-Чуй. – Горно-Алтайск, 2013. – 256 с.
11. Ойноткинова, Н. Р. Мифологизация происхождения алтайских родов в несказочной прозе / Н. Р. Ойноткинова // Этнокультурное наследие народов Алтая : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию юбилею НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. – Горно-Алтайск : БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», 2022. – С. 462–475.
12. Алтайский фольклор : сборник устного народного творчества. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1988. – 216 с.
13. Алтайско-русский словарь. – Горно-Алтайск, 2018. – 936 с.
14. Полевые материалы автора. Зап. С. В. Абысовой в 2022 г. от З. Б. Кабышевой в г. Горно-Алтайск Республики Алтай.
15. Бутанаев, В. Я. Хакасский исторический фольклор / В. Я. Бутанаев, И. И. Бутанаева. – Абакан : Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2001. – 148 с.
16. Потапов, Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев : историко-этнографический очерк / Л. П. Потапов. – Ленинград : Наука, 1969. – 196 с.
17. Екеев, Н. В. Проблемы этнической истории алтайцев (исследование и материалы) / Н. В. Екеев. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайская типография, 2011. – 232 с.
18. Алтай калыктын ук-сөдктөри – үйелер энчизи / сост. Т. М. Садалова, Р. В. Сулина. – Горно-Алтайск, 2017. – 48 с.
19. Матин, А. Маталар (тодош сөдктү Жудурук акабыстын куучыны) / А. Матин // Алтайдын Чолмоны. – 1994. – 2 ноябрь.
20. Улаганнын укаалу сөзи / сост. Н. Н. Санина, Л. В. Санина. – Горно-Алтайск, 2010. – 320 с.
21. Полевые материалы автора. Зап. С. В. Абысовой в 2022 г. от А. К. Мышлаковой в с. Бичикту-Боом Онгудайского р-на Республики Алтай.

References

1. Sokolova, V. K. Russian historical legends / V. K. Sokolova. – M. : Nauka, 1970. – 288 p.
2. Blazhes, V. V. Legends of working dynasties // Ural Folklor. – Sverdlovsk : Ural State University, 1978. – Ed. 4 : Folk Prose. – p. 37–52.
3. Krinichnaja, N. A. Russian folk historical prose: issues of genesis and structure / N. A. Krinichnaja. – L., 1987. – 227 p.
4. Il'ina, L. E. Family legends as a reflection of the image of the era / L. E. Ilyina // Philology and Culture. – 2016. – № 4 (46). – p. 199–206.
5. Non-fairytale prose of the Altaians / auth. N. R. Ojnotkinova, I. B. Shinzhin, K. V. Jadanova, E. E. Jamaeva. – Novosibirsk : Nauka, 2011. – 576 p. – (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; T. 30).
6. Altaj soojyNDAR la kep-kuuchyNDAR : Altaj albatynyn oos jajaany / sost. E. E. Jamaeva, I. B. Shinzhin. – Gorno-Altajsk : «Ak Chechek» Publishing House, 1994. – 416 p.
7. Surazakov, S.S. Altai Folklore 2nd edition, rev. / Research Institute of Altaistics named after S.S. Surazakova. – Gorno-Altajsk : Gorno-Alt. PH., 2015. – 320 p.
8. Limorenko, Ju. V. Peculiarities of Genre Classification of Non-Fabulous Prose in the Folklore of the Peoples of Siberia / Ju. V. Limorenko // Siberian Journal of Philology. – 2013. – № 2. – p. 14-21.
9. The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Human. Society / Je. L. L'vova, I. V. Oktjabr'skaja, A. M. Sagalaev, M. S. Usmanova. – Novosibirsk : Nauka. Sib. branch, 1989. – 243 p.
10. Jadanova K.V. Traditions, legends, epics of the Telengits of the Ere-Chuy valley. – Gorno-Altajsk, 2013. – 256 p.
11. Ojnotkinova, N. R. Mythologization of the origin of Altai clans in non-fairytale prose / N. R. Ojnotkinova // Ethno-cultural heritage of the peoples of Altai: a digest of the All-Russian scientific

and practical conference dedicated to the 70th anniversary of the Research Institute of Altaistics. S. S. Surazakova. – Gorno-Altai: BNU RA “Scientific Research Institute of Altaistics named after A. S. S. Surazakova, 2022. – P. 462–475.

12. Altai folklore: a collection of oral folk art. – Gorno-Altai: Gorno-Altai branch of the Altai book publishing house, 1988. – 216 p.

13. Altai-Russian Dictionary – Gorno-Altajsk, 2018. – 936 p.

14. Field materials of the author. Notes by S. V. Abysova in 2022 from Z. B. Kabysheva in Gorno-Altai, Republic of Altai.

15. Butanaev, V. Ya. Khakass historical folklore / V. Ya. Butanaev, I. I. Butanaeva. – Abakan: Publishing House of the Khakass State University. N. F. Katanova, 2001. – 148 p.

16. Potapov, L.P. Ethnic composition and origin of the Altaians: a historical and ethnographic essay / L.P. Potapov. – Leningrad: Nauka, 1969. – 196 p.

17. Ekeev, N. V. Problems of the ethnic history of the Altaians (research and materials) / N. V. Ekeev. – Gorno-Altai: Gorno-Altai Printing House, 2011. – 232 p.

18. Altaj kalyktyn uk-sööktöri – ýjeler jenchizi / sost. T. M. Sadalova, R. V. Sulina. – Gorno-Altajsk, 2017. – 48 p.

19. Matin, A. Matalar (todosh sööktu Juduruk akabystyn kuuchyny) / A. Matin // Altajdyn Cholmony. – 1994. – 2 November.

20. Ulagannyn ukaalu sözi /by N. N. Sanina, L. V. Sanina. – Gorno-Altajsk, 2010. – 320 p.

21. Field materials of the author. Notes by S. V. Abysova in 2022 from A. K. Myshlakov in the village. Bichiktu-Boom, Ongudaysky district of the Republic of Altai.

АБЫСОВА Сурлай Владимировна – к. филол. н., с. н. с. Научно-исследовательский институт алтаистики им С. С. Суразакова.

E-mail: surlai@mail.ru

ABYSOVA Surlai Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Chief of the Folklore Research Group Budget Scientific Institution of the Altai Republic “Research Institute of Altaistics named after S. Surazakov”.